

Савров
Лев Александрович

ТРЕНЕР ЛЮДОЕДА

12+

Москва, 2020 г.

Лев Савров
Тренер Людоеда

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Савров Л. А.

Тренер Людоеда / Л. А. Савров — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-06255-9

Авантюрная и увлекательная повесть о жизни, работе и приключениях в Центральноафриканской Республике в середине 70-х годов. Фотографии и комментарии Саврова Льва-младшего в конце книги.

ISBN 978-5-532-06255-9

© Савров Л. А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1. Опять сначала	6
Глава 2. Бутылка и в Африке бутылка	9
Глава 3. Вверх по иерархической лестнице	11
Глава 4. Спортивные перекрёстки	14
Глава 5. День независимости	16
Глава 6. Великое событие	20
Глава 7. Рождественский приём	23
Глава 8. Решающий матч	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Книга посвящается безвременно ушедшим замечательным людям, которые подружились во время совместной работы и жизни на африканском континенте и сохранили эту дружбу навсегда: Виталию АНИКИНУ, Наталье и Петру БЕРЁЗИНЫМ, Владимиру БРЫКАЛИНУ, Руслану ВАСИЛЬЕВУ, Василию КУРЬШКИНУ, Валентине КУШНЕРЕНКО, Сергею СОЛОВЬЕВУ, Людмиле ТРИФОНОВОЙ, Тиграну ХОДЖАМИРЯНУ.

Глава 1. Опять сначала

Над Сахарой и в этот раз сильно качало. Кофе, которым я побаловался в Каире, явно лёг поперёк и теперь мягкими волнами в такт качке норвил из пищевода перетечь в трахею.

- Вить, а Вить?
- Ну, что тебе неймётся?
- Да почему же качает-то? Вон, снаружи ни облачка!
- Это специально.
- Зачем специально?
- Чтобы ты валюту на кофе не тратил.
- Сам же в Бейруте книг накупил!
- Не книг, а пособий по карате... с иллюстрациями.
- Для кого?
- Для кого, для кого... для дяди моего...

Он опять задремал.

Нет, не понравился мне Каир: какой-то он серый весь. То ли дело Бейрут – солнце, море, зелень... уютный город, Одессу напоминает.

- Вить!
- У-ум?
- Ты на каком этаже пособия купил?
- Больше не о чём спросить, что ли?.. На третьем.
- А на четвёртом хозяин лавки детских игрушек мне говорит: «Мистер, красненьких на обмен не найдётся? Даю по двадцать долларов за купюру.»

Виктор моментально пробудился.

- О, хороший курс! Ну и как?
- Как-как – да и кучка... поменял часть значки, там у меня было восемь десятков, а четвертаки он не берёт.
- Меня найти не мог, да?
- Найдёшь в этом шалмане, там же «Шахерезада».
- Ладно, болтун – находка для шпиона. Запомню... для Лубянки, вот надоешь мне совсем – и продам...

– Ха, ещё не долетели, а уже «надоешь»!

Помолчали. Потом меня стал разбирать смех.

- Ага, рецидив морской болезни.
- Нет, просто Руслана вспомнил.

Тут он и сам заулыбался. Да, Руслан всех потряс с первой встречи. Побывавшие за бугром поймут сразу.

Те из нас, кто благополучно пережил первый «бросок на заграничную работу», попали в кадры. Магическая стандартная фраза в конце характеристики «рекомендуется к дальнейшей работе за границей», скреплённая подписями посла и партсекретаря, давала возможность твоему личному делу покоиться на полке шкафа в соответствующей комнате управления внешних связей нашего министерства в компании пыльных папок таких же счастливыхцев.

Как говаривал наш консул, «быть вам, ребята, у резерве, ушьем уиски по этому поуду».

Дальше каждый сам искал свою соломинку.

К инспектору Стасу меня привёл мой друг Валера с геофака.

- Стас, я слышал, нужны люди, – по-свойски начал он разговор.

– Люди всегда нужны... – неопределённо ответил Стас.

– Вот мой друг, я за него ручаюсь!

– Ручаться можно только за господ бога, – последовал ответ. – А вы в резерве? – это уже благосклонно ко мне.

– А как же, – скромно ответил я.

Остальное было делом чиновничьей техники.

– Нужен ещё один мужик, – сказал мне Стас через неделю.

Я привёл Виктора. Состоялся почти такой же, как вышеприведенный, диалог. Остальное опять было делом техники. Через месяц Стас повёл нас с Виктором к заведомому.

Кабинет заведующего находился на начальственном этаже, это мы сразу поняли, ступив на ковровую дорожку коридора и проходя мимо кадок с фикусами. Перед дверью в кабинет маялись несколько колоритных женщин. «Жёны» – определили мы безошибочно. Одна из них, невысокая, полноватая, очень энергичная и подвижная, быстро налетела на нас.

– Извините, пожалуйста, вы не знаете, можно ли туда взять с собой аккордеон?

– Нельзя, – коротко отрезал я.

– А что же можно? – немного обескуражено продолжила она.

– Пулемёт, – мрачно ответил Виктор.

Дама ойкнула, а мы просочились внутрь, потому что Стас был уже там и прикрывал за собой дверь.

Зав восседал, как положено, за столом, а вдоль противоположной стены на стульях расположились в довольно напряжённых позах человек восемь претендентов на поездку. Не будем заниматься их описанием, ибо одни стали вскоре нашими друзьями, а других мы больше никогда не видели.

Началось собеседование. Точнее, монолог зава. Мы узнали, что президент далёкой маленькой страны оказал честь нашей родине, пригласив поработать специалистов в его университете. Мы должны понять, и т.д. и т.п.

– Вопросы есть? – заключил свою речь босс.

Мы уже приготовились натянуть на лица дежурные улыбки, оценивающие юмор шефа, так как ждали цитаты из репертуара популярного киногероя «вопросов нет», но вдруг круглолицый высокий шатен с ясными глазами поднял руку.

– Что у вас? – недовольно осведомился зав.

– А можно взять с собой доллары, у меня остались от прошлой поездки.

Мягкое дуновение общего тихого вздоха заметалось по углам кабинета, закруглилось под стол и за шторы, спрятавшись там от тяжёлой недоумённой тишины. Кто-то в углу украдкой покрутил пальцем у виска.

Выйдя через минуту из состояния окаменелости, заведомо произнёс ровным поставленным голосом:

– Всем вам известно, что больше двадцати рублей брать с собой нельзя, а ведь при возвращении с грузом необходимо, как правило, такси. Я сам всегда делаю так: в аэропорту имеется сберкасса, перед отлётом я завожу сберкнижку, кладу на счёт пятьдесят рублей, когда пересекаю границу обратно, иду в сберкассу и снимаю эти пятьдесят рублей, за год даже проценты набегут, ха-ха!

– Хе-хе, – поддержал начальнику Стас.

Этот любознательный шатен и был Руслан.

– Я так и не понял, можно ли взять доллары? – заявил он высоким «лекторским» голосом, когда мы толпой вывалились из кабинета в коридор.

– Сколько? – полюбопытствовал Виктор.

– Двенадцать долларов.

– Спрячь в носок.

- Когда?
- Ты где живёшь?
- В Лефортово.
- Вот сейчас и спрячь, по дороге в Лефортово.
- Горе ты моё! – зашумела на Руслана его жена Ирина, оказавшаяся, кстати, той самой дамой, которая налетела на нас получасом раньше и ошарашила вопросом об аккордеоне. – Ну кто тебя за язык тянул?
- Всё, – прокомментировал Виктор. – Больше нам не суждено зреть это семейство. Однако, тут он ошибся. Но об этом потом.

Глава 2. Бутылка и в Африке бутылка

После Хартума можно приземляться на любой тропический аэродром: хуже не будет.

– Вить, сколько там в этот раз было?

– Сорок восемь градусов только.

– А, чёрт! И поило какое-то подсунули вместо коки.

– Зато сверху красиво: Белый Нил, Голубой Нил, потом вместе сплошные «нилы».

– А, чёрт! Сверху б их и видеть! Ветрюга так обжигает, хуже сауны. И ведь когда бы не хрястнулся – летом, зимой, осенью – всегда одно и то же.

– Нет, ребята, – вступил в разговор горбоносый и чернобородый попутчик, сидевший третьим на нашем ряду кресел, – здесь есть своя прелесть, особенно весной, в пору дождей. Да и не ветер это, а так, ветерок. Вот в прошлом году я просидел тут неделю из-за сирокко. В гостинице задраили все стёкла и ставни, но после бури в комнатах на полу было на тридцать сантиметров песка, ей-богу!

В общем, когда мы покинули авиалайнер где-то у экватора и очутились перед аккуратным двухэтажным, довольно современным зданием маленького аэропорта, около которого не было никаких других самолётов, даже местных, жара и влажность воспринимались как нечто родное и привычное.

– Смотри, Витя, нас встречают почётным караулом.

– Да уж, судя по Бейруту, мы просто вины.

Как известно, на международном жаргоне турагентств и госчиновников аббревиатура ВИП означает «очень важная персона» (с английского). Мрачная шутка Виктора напомнила, что в Бейруте мы выгружались и загружались под дулами автоматов не полиции, а армии. И личный досмотр соответствовал. Правда, нас пропустили, почти не глядя. Но в память врезалась картина: стоит здоровенный негр с поднятыми руками, а по нему ползают двое щуплых ливанцев под охраной ещё двух со скорострелками наизготовку. Я думал, они ему в уши залезут.

Из самолёта, между прочим, вместе с нами высыпала толпа ливанских, сирийских, египетских и прочих торговцев и коммивояжёров.

– Ну, сейчас начнётся цирк. Отольются кошке мышкены слёзки, – заявил Виктор, переступая порог «международного» аэровокзала.

И точно. Будто по сигналу, на нашу кучку пассажиров со всех сторон набросилась с гиканьем, уханьем и прибаутками жадная стая иссиня-чёрных таможенников и полицейских. Чемоданы мгновенно раскрывались, их содержимое вываливалось на пол, сумки переворачивались и вытряхивались, карманы вывёртывались и облегчались, бумажники порхали из рук в руки, паспорта и визы не интересовали никого. Если кто-то видел налёт макак-резусов на курятник, то живо может представить себе происходившее.

Мы вместе с чернобородым спокойно стояли в центре этого столпотворения, как ось земная или глаз тайфуна. Других европейцев среди пассажиров не было.

– Телеграмму, видать, зря давали, – заключил Виктор.

– Ничего, меня встретят, – отозвался чернобородый, – а, вон наш посольский завхоз ломится.

Завхоз, развеявая полы распахнутой ковбойки и блестя каплями пота на волосатом животе, скорее не ломился, а проскальзывал по направлению к нам.

– Здоров, Андрюха, как долетел? – адресовался он к бородатому.

– Ничего, нормально. С попутчиками вот...

– Кто такие?

– Мы в университет, – разъяснил я.

– А чего ж вас ГКЭС не встречает?

– Наверное, от радости никак не очухаются, – ответил Виктор.

– Ну, ладно, мы вас у ихнего офиса вывалим, нам всё равно мимо ехать. Давай, все за мной!

Подхватив пожитки, мы стали прорываться к выходу. До вожделенной двери на свободу оставалась три шага, когда на плечо Виктора опустилась властная чёрная рука.

– Стой!

Мы остановились.

– Это что?

Обвиняющий палец сержанта указывал на пластиковую сумку в руке Виктора, внутри которой просматривались стандартные пакеты с надписями «Ядрица 500г».

– Крупа, – ответил по-русски Виктор.

– Не понимаю, – удивился сержант.

Брови его угрожающе задвигались.

– Уна сгунда, моментик! – втиснулся между нами завхоз. – Руссо профессоре. Ням-ням. Уно сувениро! Фройндшафт, нет проблема!

Левой рукой завхоз обнимал сержанта за плечи, загоразивая его широкой спиной, правую же руку изогнул назад ладонью вверх, шевеля выразительно пальцами в нашу сторону.

Я рванул застёжку сумки, выхватил двухсотграммовую бутылочку бренди, купленную в дьюти-фри шопе каирского аэропорта, и вложил её в шевелящиеся пальцы.

Бутылочка мгновенно скользнула в карман сержантского форменного френча. Страж границы заулыбался.

– Нет проблема. Уелком в нашу великую страну.

Мы вырвались на площадь и залезли в микроавтобус «Фольксваген» с дипномерами.

– Бутылка и в Африке бутылка! – изрёк Виктор.

– Ты тоже хорош: «крупа, крупа...»

– Да не помню я как её обозвать по-иностранному!

– Это что, – сказал задумчиво завхоз, выруливая на широкую автостраду, окаймлённую зарослями маиса. – Нам раз в месяц приходит продовольственный заказ, так чтобы его получить...

Он помолчал, затем прибавил со злой тоской в голосе: «Каждый пятый ящик водки оставляем здесь, сволочи, мать их!»

– Никогда не думал, что тут может быть такая автострада, – сказал я, желая отвлечь его от тяжких мыслей.

– А это и не дорога вовсе, это взлётная полоса старого аэродрома. Вот, кстати, и ваш университет, – указал он налево на четыре двухэтажных барака. – Построен на месте старого аэровокзала.

– Это университет? – разинули мы рты.

– Чего удивляетесь, у нас на всю столицу три шестиэтажных дома.

– Не может быть!

– Точно, – подтвердил Андрюха. – А лифт есть только в одном.

Глава 3. Вверх по иерархической лестнице

К вечеру мы оказались в самом центре города, в новом отеле с названием «Святой Сильвестр». Двухэтажное здание в виде буквы «П» с большими удобными номерами (комната, прихожая, ванная, лоджия). Вселили нас сначала вдвоём в один номер, но мы ведь уже не новички: получасовая беседа с ночным портье, бутылка водки и набор матрёшек, и вот после полуночи мы перетаскиваем вещи Виктора в номер напротив. Отель находится на углу двух улиц, затенённых большими зонтичными акациями, во дворе хороший бассейн овальной формы. Даже смонтирован полуметровый трамплин для прыжков.

Столица наша вытянулась километров на десять вдоль правого берега полноводной реки. А вот ширина центра города не превышала шестисот метров по прямой, потому что цепь зелёных холмов, располагаясь под углом к реке, стиснув город между своим боком и берегом, пересекала выше города реку в виде порогов, оставляя ревущей воде несколько узких протоков, а затем продолжалась на другом берегу.

Но уже за границей. На том берегу был Заир, бывшее Бельгийское Конго. Считалось, что там политический беспредел и террор. А у нас цивилизация.

– Наша ближайшая цель, – заявил я, глядя на далёкий противоположный берег во время прогулки после завтрака следующим утром.

– Что мы там забыли? – поинтересовался Виктор.

– Чудак, это же Конго! Легендарная страна, про неё писали Ливингстон и Стенли.

– А, брось, такой же латерит под ногами, и морды местные те же.

– Нет, не скажи, судя вон по народу, подваливающему в пирогах на причал, они сильно отличаются от наших, – неожиданно поддержал меня Анатолий, присоединившийся к нам по дороге к набережной.

Он прилетел неделей раньше, жил тоже в отеле и уже исходил пешком не только весь город, но и окрестные холмы.

– Ну, ну, – скептически хмыкнул Виктор. – Известно, как ты умеешь находить приключения на свою, мягко выражаясь, голову. Кстати, пора обратно в отель, если мы не хотим опоздать на randevu с нашим химиком.

Химик Юра – старожил, работающий здесь уже два года, должен был заехать на машине за нами к десяти, чтобы отвезти в университет.

Он подъехал точно в срок, он вообще был очень аккуратен и привержен химической стерильности. Элегантно ведя машину, он начал разговор с недавнего прошлого.

– Университет создан два года назад, сейчас функционируют пять факультетов, здесь расположены филологический, экономики и права, геологический и наш естественных наук, а сельскохозяйственный находится за сто километров отсюда в городке Мбайки, который связан со столицей единственной асфальтовой трассой.

– Остальные дороги грунтовки, что ли? – спросил тут же Виктор.

– Да, и они проходимы только в сухой сезон.

– А мокрый сезон когда? – это уже Анатолий.

– С мая по октябрь.

– Ничего себе, – сказал я.

– Жить можно, особенно с нашей зарплатой. Мы шестером приехали к открытию этого чуда науки и привезли с собой от щедрот нашего министерства комплект оборудования для био, хим и физической лабораторий, типовой для пединститутов. Вообще-то президент здешний был тогда в Москве, денег просил, но ему вместо денег сунули этот наборчик и нас в придачу. В знак благодарности местный министр образования, а он ещё и наш ректор, предложил

одного из нас назначить деканом факультета. Ну, мы посоветовались и выбрали Виталия, как самого опытного, всё-таки выпускник Университета дружбы народов.

– Я его хорошо знаю, – сказал Анатолий, сам выпускник того же заведения, – мы с одного факультета, только он физик, а я математик.

– И как, ещё не разочаровались? – спросил Виктор.

– Да нет, вроде пока нормально. Вообще-то ребята меня альтернативно выдвигали, но в министерстве из нас двоих выбрали Виталия, я, как видите, тонкий, звонкий и прозрачный, а он под сто девяносто и квадратный.

– Ага, – сказал Анатолий, – его на факультете прозвали шкафом.

– А ты не в обиде? – продолжал настырно Виктор.

– Нет, с меня вполне хватает должности завкафедрой химии. Здесь это особенно важно.

– Почему? – удивился я.

– Виталий расскажет. Вот уже и приехали.

Езды-то и было всего десять минут, за разговорами совсем незаметно.

Мы прошли по крытой галерее в кабинет декана на первом этаже. Удивительно, но кондиционеры исправно работали. Когда Виталий поднялся из-за стола нам навстречу, мы поняли, что прозвище «шкаф» он получил не зря.

– Здравствуйтесь, ребята, с приездом, очень, очень вовремя, пополнение необходимо позарез. Проходите, садитесь. Извините, что не встретили, нас не уведомили.

– Нормально, ответил Виктор, – не помню случая, чтобы ГКЭС дал заранее телекс.

– Поживите пока в «Сильвестре», а там мы вам жильё выбьем, хотя начальник хозуправления Теофил тот ещё гусь!

– Просочимся, – пообещал я, – не впервой.

– Сейчас введу вас в курс дел. Обслуживаем мы наш факультет и геологов. С работой вы, конечно, справитесь, здесь уровень пединститута, хотя математика по французской программе на довольно хорошем уровне. На вашей кафедре пока двое – французы Пахман и Сеньор, оба без научной степени, поэтому кого-то из вас наверняка изберут завкафедрой. Очень важно, чтобы им стал наш, это уже вопрос политический.

– Почему? – удивился Анатолий.

Университет – любимое детище президента страны. Если приезжает госдеятель мирового ранга, то, кроме университета и алмазного хранилища, показывать гостю нечего. А в университете не смотреть же стены лекционного зала на филологии, вот и ведут к нам по лабораториям. Учтите, министр образования – он же ректор университета – мозговой центр внутреннего узкого правящего кабинета, доверенное лицо президента, сильная личность. К нам пока относится хорошо. Проректор – месье Каню – француз, милейший человек, но всё-таки француз. Нас, деканов, четверо, и мы на дипломатических приёмах идём на уровне послов, а завкафедрой – пятнадцать человек, из них четверо на нашем факультете – приглашаются на все приёмы и званые вечера в президентский дворец. Усекли?

– Крепко, – покачал я головой.

– Ну её на фиг, такую должность, – высказался Анатолий.

– Ладно, ладно, вот соберётесь, обмозгуете и решите, – подытожил Виталий. – Пошли, покажу вам факультет.

Через несколько дней вечером перед ужином мы сидели втроем на краю бассейна, лениво болтая ногами в тёплой воде. С нашими французскими коллегами мы познакомились и подружились.

– Хорошие они мужики, – сказал я, – но выбирать велено своего. Кого двинем в гору?

– Тебя, конечно, – сказал Виктор. – Авось, потом нас не забудешь.

– Вот именно, – поддержал его Анатолий.

– Это вы бросьте, хитрецы, нашли дурака.

– Нашли, нашли, – засмеялся Виктор. – Известно, что у тебя с дипломатами хорошо получается.

– Да я органически не перевариваю начальство!

– Я тоже, – заметил Анатолий, – но у тебя с местными легко идёт, я же первый раз в загранке.

– Замётано, – заключил Виктор. – И не забудь, что ты тоже голосуешь за себя.

– Как, за себя? Нет, я воздержусь!

– Ни в коем случае! – отпарировал Анатолий. – Французы-то вроде хорошие, но кто их знает, что на уме, может, указания какие получили.

Назавтра наступил день моего триумфа и позора. С утра мы все пятеро собрались в кафедральном помещении.

– Нам необходимо избрать заведующего кафедрой, – сказал Анатолий. – Есть предложение сделать это тайным голосованием. Никто не возражает?

Никто не возражал.

– Тогда вот пять чистых листов, пусть каждый напишет предлагаемую кандидатуру и перевернёт лист.

Все довольно быстро взяли по листу, без раздумий черкнули на них и перевернули надписью вниз.

– Месье Пахман, будьте любезны, как старший по возрасту, соберите листы и прочтите результат, – продолжил Анатолий.

Пахман собрал листы в стопочку, перевернул её и по очереди пять раз произнёс мою фамилию.

– Поздравляю вас, месье, – почтительно сказал он, протягивая пачку листов.

Я собрал волю в кулак, чтобы не выдать стыда и радости.

– Спасибо, дорогие коллеги. Витя, оформи, пожалуйста, протокол.

Вот, вспоминаю, и опять стыдно. Если бы я мог предположить такую штуку, всё-таки воздержался бы. Но в то же время опять радостно на душе из-за единодушного доверия столь разных по характеру людей. Впоследствии ни с одним из них у меня не было никаких недоразумений, все мы остались друзьями, а уезжая через четыре года, я оставил сплочённый преподавательский коллектив удвоенной численности.

Ага, – сказал Виталий, – я так и предполагал. Пойдём в административный корпус, представлю тебя ректору-министру, он как раз приехал в университет.

– А президенту? – нахально спросил я.

– Ну, ты даёшь! Подожди, не спеши, упаси тебя бог рваться!

– Почему?

– Сам увидишь...

Глава 4. Спортивные перекрёстки

– Ребята, не забудьте, через час политсеминар, – сказал Сергей, тщательно намыливаясь в ожидании своей очереди под единственную душевую лейку маленького закутка посольского хоздвора, отгороженного от волейбольной и детской площадок декоративной решётчатой стеной с ползучими растениями на ней.

– А, чёрт, – отозвался я, обливаясь пригоршнями из-под крана в стене перед процедурой намыливания, ибо моя очередь была за Сергеем.

– Ты бы, Серёга, освободил нас по благу волейбольному, – заметил Виктор, стаскивая со спины мокрую и грязную майку, готовясь заменить меня у крана.

– Никак не можно, – отвечал спокойно Сергей, – что люди добрые скажут?

– Известно, что они скажут, – засмеялся Славик, застёгивая пуговицы лёгкой ковбойки.

Славик всегда мылся первым, потому что был играющим тренером обеих сборных: нашей доморощенной и полупрофессиональной национальной.

– Особенно твой коллега пьянь Шверляев, – продолжал он, обращаясь к Володе, дипломату-стажёру. – Вам, университетским, всегда везёт, – адресовался уже к нам Славик, – вот если бы вместо Сергея у вас руководителем был Стива!

– Ты, старичок, прав и не прав, – сказал Володя. – Прав насчёт Стивы и не прав насчёт Шверляева, он хоть и пьянь, но один из самых порядочных в нашем микродипкорпусе.

– Кстати, Володя, сколько вас тут с диппаспортами? – поинтересовался я.

– Шестеро у нас, да ваш экономсоветник и торговый тоже с зелёной книжечкой.

– А услуги сколько? – спросил Виктор.

– Двадцать пять человек.

– Ловко устроились, – присвистнул Виктор. – И десять единиц автотехники.

– Ну, я-то «Фольк» на кровные купил, – ответил Володя. – Испросил аванс, теперь буду полгода расплачиваться. А вы у кого «Фиат-500» взяли?

– У юриста Кузьменки, – ответил я. – Через неделю днище лопнуло, там была щель, так он, скотина, пластилином её замазал и пылью сверху, я ему говорю, что ж ты сделал, а он с круглыми глазами отнекивается «ничёго не ведаю».

– Зато вилла у вас классная, салон обшит красным деревом, там в прошлом году Гена жил, который от ЮНЕСКО работал, грамотно играл в волейбол, – сказал Славик.

– Салон-то салоном, – проворчал Виктор, – а остальные стены термиты жрут, террасу уже совсем сожрали.

– Сколько же из ваших с красными книжечками? – спросил я у Володи.

– Не знаю, старичок, вот Сергей как главный шпион должен знать.

– Нет, ребята, я ТАССовец, а шпионы все по линии АПН обычно проходят, – посмеивался Сергей.

– Да как же ты сюда от ТАСС попал, если в Алжире был военным переводчиком, – сказал Славик. – Мой приятель там вместе с тобой три года назад в волейбол играл.

– Добрые люди помогли, – сказал Сергей.

Нужно заметить, что подобный разговор возник у нас впервые, поскольку мы за этот месяц на волейбольной площадке уже хорошо сдружились и почувствовали определённую степень доверия друг к другу, да и характер человека в игре проявляется очень быстро.

– Ты, кажется, в футбол гоняешь? – обратился ко мне Славик, задерживаясь на пороге закутка.

– Приходилось, – ответил я, скромно умалчивая о том, что в Западной Африке у меня была профессиональная лицензия на игры в местном чемпионате в составе команды «Чёрный метеор».

– Приезжай завтра вечером на городской стадион. У нас тренировочный матч сборной преподавателей лицеев и колледжей против команды гарнизона.

Когда я на следующий вечер подъехал к стадиону, игра уже началась.

– Скорей раздевайся, заменишь Оливье, – крикнул Славик, подбегая к бровке поля, весь взмокший и злой. – Проигрываем ноль один!

Наверное, у каждого любителя спорта бывает свой звёздный час хотя бы раз. Наворожила мне фортуна, я забил четыре гола, и мы выиграли со счётом четыре один.

Через три дня около полудня, в тот момент, когда мы готовились ехать домой, на пороге нашей кафедральной комнаты возник секретарь декана Ольбер.

– Господин профессор, – адресовался он ко мне с уважительной дрожью в голосе, – звонили из администрации, вас немедленно хочет видеть ректор.

– А вот и герой матча, испортивший настроение главначштаба! – приветствовал меня ректор на пороге своего кабинета. – Входите, входите, это месье Фофана, наш министр по делам молодёжи и спорта, он вас вчера видел на поле, я-то сам посещаю стадион только по официальным праздникам.

– На кабинете министров по моему предложению решили назначить вас тренером сборной страны по футболу, – сказал, улыбаясь Фофана. – Поздравляю!

– Но, господин министр, я же завкафедрой математики, какой из меня тренер? – запротестовал я, поворачиваясь к нашему министру.

– Тем более, тем более, вы сумеете научить наших ребят мыслить на поле, играть-то они и сами умеют. Заодно государство сэкономит деньги, ведь вам не нужна вторая зарплата, в вашей стране не так, как у империалистов, ха-ха-ха!

– Нет, я вынужден отказаться.

– Об этом не может быть и речи, дорогой друг! Уже доложено президенту, вы же не хотите в тюрьму?

В тюрьму я не хотел, поэтому стал по совместительству тренером.

– Ага, сказал Виктор, узнав об этом. – Вот и доигрался. А ты слышал, что вчера папаша-президент отрезал ухо министру труда и зарплаты?

– Как это?

– Сам любишь повторять «как-как – да и...» Вызвал того к себе, сказал, что зарплата исчезла, а труда не видно, и чесанул клинком ему по уху! Отец нации...

Мне стало неудобно.

Глава 5. День независимости

По средам у меня с утра в университете лекций не было, поэтому моя «гопсборная», как я её называл, спозаранку добросовестно, но с видимой неохотой, отработывала незамысловатые тактические задумки, заимствованные мною из арсенала Палыча, нашего тренера в бытность мою московским студентом.

Сделав знак Сулею, второму тренеру, подгонять ребят, я ушёл на край поля к беговой дорожке и сел на барьер прыжковой ямы с водой для стипль-чеза, которая, слава богу, была без воды, а значит и без комаров.

Почти тут же мимо пронеслась лёгкая сухощавая фигура.

– Эй, Роберт! Крикнул я ему вслед. – Причаливай на перекур!

Сделав круг, Роберт присел рядом.

– Что нового в вашем корпусе мира? – поинтересовался я. – Где красавица Дайана? В воскресенье утром придёшь?

– Отвечаю по порядку, – сказал Роберт, слегка растягивая гласные с ужасным американским акцентом. – В корпусе всё по-старому, а у меня новоселье, получил виллу, в субботу бал-маскарад, приглашаю тебя, будут блины по-русски. Дайана уехала в провинцию, но к субботе вернётся и тоже придёт на пати. А утром каша будет?

Однажды мы с Виктором угостили Роберта манной кашей, это Виктор иногда делал такой завтрак по воскресеньям, когда наш повар Жан не работал, и с тех пор Роберт полюбил её патологически.

– Будет, будет, Виктор обещал.

– Тогда приду.

Послышался скрип тормозов, визг шин по асфальту, и в ворота стадиона влетела белая деканская «Рено-8», просвистела прямо по дорожке к нам и, проюзив добрый десяток метров, остановилась, чуть не нырнув в чёртову яму, обдав при этом нас пыльным облаком красного латерита. Из машины мягко выпрыгнул Виталий. Видно было, что он наслаждался ездой, как ребёнок.

– Сразу видно, что не своя машина, а казённая, – сказал я. – Смотри, свернёшь шею.

– Мне на роду не то написано, – засмеялся он. – Роберт, привет.

– Слушай, – это опять ко мне, – завтра же праздник, день независимости!

– Ну и что?

– Как что? Папаша будет принимать парад и демонстрацию. Вот тебе пропуск на дитрибуну, поглядишь вблизи отца нации.

– Да в гробу я его видал! А парад и демонстрацию тем более! Насмотрелся я этого добра в Западной Африке!

– С ума сошёл! Там посол будет, что он скажет, не увидя нас, он же знает, что по протоколу мы должны быть.

– Делать ему больше нечего, только нас проверять.

– А я бы пошёл, – сказал Роберт, да кто ж мне билет даст? От наших, наверное, будет посол и Джо Билдинг.

– От наших ещё наверняка Серёга будет, – засмеялся я. – Где Джо, там и Серёга. Возьми, Роберт, мой пропуск и сходи.

– Ни-ни, – ужаснулся Виталий. – Он же именной, на, держи, а я побежал!

Он выпрыгнул в авто, даванул на газ и исчез в столбе пыли.

– Очень торопится, – сказал Роберт.

– Ты стайер, а он спринтер, – заметил я, – другой темперамент.

Утром за завтраком Виктор выглядел весьма хмурым.

– С левой ноги встал? – спросил я.

– С правой, с правой... Ты знаешь, что он пришёл к власти переворотом?

– Ну и что? У них тут переворот – сезонное развлечение. К тому же, он сместил своего кузена. Подумаешь, семейное дело!

– Да он же был начальником генштаба!

– Какая разница?

– Солдафон, значит, самодур. А история с румынкой из ансамбля...

Эта история прогремела если не на всю Африку, то на окрестный регион. Случилась она за год до нашего приезда. Оказался тут в столице на гастролях какой-то румынский фольклорный ансамбль. Папаша почтил их концерт своим присутствием и положил глаз на солистку. Той же ночью президентские головорезы доставили её во дворец, а наутро народу было объявлено, что у папаши теперь ещё одна временная жена, не то седьмая, не то восьмая по счёту. Первая-то была из местных, единственная официальная, сопровождавшая его на церемонии и в заграничные поездки. Некоторые из временных жён уже отпущены за ненадобностью, но всех детей он оставлял себе, и было их во дворце числом уже более двадцати.

– Ничего, я не солистка...

– Всё равно, не нравится мне, что ты туда один едешь.

– А я и не один... Ты со мной.

– Ха, я! Кто мне пропуск даст именной?

В этот момент из кухни послышалось сдавленное хихиканье Жана вперемежку с хрюканьем и шипеньем старенького транзистора, стоявшего у него там на холодильнике.

– Что у тебя, Жан? – крикнул я.

– Да брось, – отмахнулся Виктор, – он же на пальчик смеётся, только покажи.

Из-за косяка кухонной двери выглянула широкая лоснящаяся физиономия с плутоватыми глазами.

– Наш папаша выступает, – сообщил Жан. – Говорит, что мы все должны радоваться.

– Чему это? – осведомился Виктор. – Дню независимости?

– Само собой, – ответил Жан, – но главное: ему румынка сына родила, – в открытую заливаясь смехом, провозгласил он. – Шестипалого!

– Где шестипалого? – ахнул я.

– На руках! Он говорит, что это божья отметина и к счастью.

– Во, даёт, – прокомментировал Виктор. – Ну что ж, теперь пидай кверху от радости.

Не порти народу праздник своим цинизмом, – заметил я. – Иди, оденься поприличнее, пора ехать.

Оставив нашу таратайку на площади перед университетом, мы продвигались к той части проспекта – бывшей взлётной полосе, где были сооружены крытые временные трибуны.

– Сейчас твоя затея лопнет, как мой мочевой пузырь во время «кратенькой» речи премьер-министра на открытии учебного года, – заявил Виктор, завидя первую цепь армейского охранения.

– Не дрейфь, прорвёмся! Ты, главное, получше вилай хвостом подобострастия, всем покажи, что я не просто начальник, а царь и бог. Кстати, как здорово, что я не выбросил треногу.

– Кому здорово, а кому... – немедленно отозвался он, громко пыхтя скорее всё-таки от возмущения, чем от усталости.

Нужно сказать, что мы представляли в это утро колоритную парочку: я впереди в белоснежном тропическом костюме и руки-в-брюки, а сзади Виктор в чёрном шерстяном костюме

и белой сорочке с красным галстуком, с тремя фотоаппаратами на шее, моей кинокамерой на левом плече и треногой от теодолита под мышкой.

Всё обошлось как нельзя лучше. Первые два кордона мы миновали без остановки и молча, я только эффектным жестом выхватывал двумя пальцами из нагрудного кармана пропуск и слегка помахивал им. На третьем рубеже перед входом на диптрибуну, почти вплотную к правительственной, офицер службы безопасности всё же тормознул нас и тщательно проверил пропуск.

– Это мой шофёр, – небрежно пояснил я, отвечая на его вопросительный взгляд в сторону Виктора со снаряжением, который к этому времени не только действительно вспотел, но и всем видом изображал усталость и равнодушие.

Офицер удовлетворённо кивнул и отступил в сторону, освобождая проход, видно было, что тренога произвела на него впечатление.

Заметив слева на трибуне среди европейских дипломатов нашего посла, равно как Виталия и Сергея рядом с ним, я тут же повернул направо к азиатским представителям.

– А чего не к своим? – спросил Виктор.

– Тут все малорослые, даже мы с тобой хорошо увидим через их головы.

– Это правда, – оживился он, начиная верить, что затея удалась и есть шанс воочию повидать папашку. – Тебе-то что, – гудел он, – ты уже видел, а мне всё-таки интересно...

– Видел, видел! Мельком и издалека. Чует моё сердце, лучше бы нам совсем его не видеть... А вот и он, лёгок на помине!

По взлётной полосе к трибуне приближался длиннющий лимузин, у которого на плашке вместо номера барельефно выстроились пять звёздочек.

– Во, смотри, – оживился Виктор, – и здесь армянский коньяк!

– Что ты хочешь, если даже Черчилль только его и пил.

Перед лимузином «свиньёй» гнали воздух затянутые в кожу мотоциклисты на «Харлей-Дэвидсонах», сзади гарцевала полурота кентавров в алых плащах: всадники так расфуфырились, что на фоне блестящих фасадов не было видно лошадиных голов.

Лимузин припарковался у ковровой дорожки, маявший на противоположной стороне военный оркестр долбанул залихватский марш и явление отца нации народо состоялось.

– Чёрт побери, он же совсем плюгавый, – зашипел Виктор.

– Корявое дерево в сук растёт, – отозвался я.

– Да ещё и хромой!

Я наклонился к его уху и просипел: «Детский стих помнишь? Вдруг из маминой из спальни кривоногий и хромой выбегает... Он притворяется, чтобы палочку в руке оправдать. А это не палочка вовсе, там у ей внутри клинок остренький, он им уши-то и режет неугодным. Так-то. Закрой пасть и снимай аппаратом, а мне дай камеру.»

Виктор закрыл пасть и стал щёлкать затвором фотоаппарата.

Папаша проследовал к своему креслу, перед которым стоял микрофон. Он поудобнее угнездился, прихватил стойку микрофона обеими руками, прочистил горло и в наступившей тишине начал:

«Дорогие соотечественники, любезные гости, дамы и господа! Сегодня великий день нашей истории, десятилетний юбилей независимости. Многие спрашивают нас, чего мы добились, где мы сейчас, с кем мы, какова наша политика? Я хочу сказать, что моя политика – деньги! Кто нам даёт деньги, тот нам и друг. Вот сегодня у нас самый лучший друг – Германия. Вчера посол ФРГ вручил мне чек на два миллиона марок, поэтому мы сегодня следуем её политике. Я награждаю посла этой страны орденом в знак признательности, подойдите сюда, друг мой!»

– Вот это речь! – сказал Виктор, пока посол ФРГ приближался к папашке.

– В особенности, какая точная и краткая, – добавил я, глядя на ошеломлённые лица дипломатов.

Начался парад, типичный наивно-старательный африканский парад, воспринимавшийся карикатурой на наши – блестящие и грандиозные.

А кто это вон тот тучный впереди? – спросил Виктор.

– Наверное, начальник генштаба. Серёга рассказывал, что он был у папашки любимым капралом, когда тот ещё сам штабгенеральствовал.

– Ага, а как стал президентом, то доверенного капрала опять поближе.

– Не знаю, насколько доверенного. Он, по-моему, никому не доверяет, смотри, каждые полгода перетасовывает министров.

– Ну, наш-то, ректор, сидит крепко уж больше двух лет.

– Нашего он, должно быть, предпочитает умамливать пряником.

– Ладно, – вздохнул Виктор. – Вот и познакомились. – Думается мне, это только начало.

И он был прав.

Глава 6. Великое событие

Воскресенье, десять часов утра.

– Спасибо, ребята, каша очень вкусная, – сказал Роберт, закончив тщательно вычищать тарелку кусочком хлеба и отправив его аккуратно в рот. – Мне пора идти.

Мы сидели втроём за нашим громадным, персон на двадцать, обеденным столом. В столовую была превращена та часть большого салона, что примыкала к стене с двумя широкими окнами, выходящими на поляну перед фасадом виллы.

– Посиди ещё, кофейку тяпнем, – предложил Виктор.

– Нет, кофе мне не благоприятен для тренировок, – ответил Роберт, – к тому же, нужно писать еженедельный отчёт.

– Зачем отчёт? – заинтересовался я.

– Понимаешь, мы же на содержании «Корпуса мира». Они дают зарплату, жильё оплачивают, мопед предоставляют...

– Принудилровка, что ли?

– Нет, нет, мы совершенно свободны, можем жить как угодно, ездить в отпуск в любое место, только в конце каждой недели должны отчитываться.

– О чём?

– Обо всём. Где были, кого видели, о чём говорили.

– Сколько вас всего здесь? – спросил Виктор.

– В столице двадцать человек и в провинции около дюжины.

– И все пишут отчёты?

– Конечно.

– А кому их сдаёте?

– Джо Билдингу.

– При чём тут Джо? Он же второй секретарь вашего посольства.

– Он по совместительству начальник здешнего отдела «Корпуса мира». – Ну, я пошёл.

Роберт встал со стула, одним широким махом перешагнул через подоконник на поляну, оседлал свой мопед и, оттолкнувшись ногами от земли, укатил по грунтовой дороге под горку, не заводя мотора.

Мы с Виктором тоже покинули стулья, пересекли салон и открыли обе внутренние двухстворчатые, составленные из стеклянных квадратов в рамках красного дерева, двери на высокую террасу, выходящую в обширный заросший сад, вернее как бы парящую над ним, ибо вилла стояла на косогоре.

Каждый из нас расположился в своём плетёном кресле перед дверью. Глазам открывалась неизменная, несуетливая, никогда не надоедающая картина: круто уходящий вниз буйно цветущий сад, ниже – белоснежный среди пальм и манговых деревьев президентский дворец, ещё ниже – разноцветные дома, перемежающиеся зеленью сейб и алоэ зонтичных акаций, совсем внизу – широченная спокойная река, разливающаяся после стиснутой порогами стремнины, маленький заграничный городишко на противоположном берегу, и, замыкая панораму, на горизонте цепочка невысоких зелёных холмов с бурыми прогалинами на боках.

Из-за косяка двери с террасы в салон заглянула остроухая морда Топаса – помеси немецкой овчарки и местной дворняги. Умильно виляя хвостом, стуча когтями по паркету, пёс втянулся внутрь и рухнул рядом с моим креслом.

– А вот мы ему забьём гол, – сказал я, переворачивая псину за задние лапы на спину, раскручивая его, как волчок, и запуская толчком в сторону Виктора. Собак быстро заскользил по гладкому полу в направлении между ножками викторова кресла: я удачно прицелился.

– Фиг вам, – отвечивал Виктор, ловко принимая пса в последний момент щёчкой стопы и отпихивая его в мою сторону.

Топаз скользил теперь ко мне, закрыв глаза от наслаждения, и вдруг наострил уши, начал сучить лапами, пытаясь затормозить.

– Кого ты там учуял? – спросил я, останавливая рыжую живую шайбу.

Пёс в ответ снова зажмурил глаза и расслабился. Теперь и мы услышали натужное рычанье автомобиля, карабкающегося к нам на гору.

– Это «Фольк» Володи, – сказал Виктор.

– Откуда знаешь?

– У него стреляющий выхлоп, когда лезет к нам.

Володина «божья коровка», как называли эту модель после появления известного кинофильма, остановилась перед окнами столовой. Из машины выбрались Володя и Сергей и, перешагнув через подоконник, сразу оказались внутри. Топаз приветствовал их радостными прыжками.

– Салют футболистам, – дружно поздоровались они. – Как к вам всё-таки удобно заходить.

– Привет-физкульт, отозвался Виктор, – тут, во-первых, не все футболисты, а во-вторых, хотел бы я знать, хоть кто-нибудь к нам нормально в двери входит?

– Ну, наверное, девушки не лезут в окно? – предположил Сергей.

– Девушки к нам не входят, а проскальзывают, и не днём, а ночью, – засмеялся я, – ты же знаешь, дорога сюда петляет мимо четырёх вилл внизу: двух минпросовских, двух аэрофлотских. Сосчитай, сколько внимательных и любопытных глаз.

– Кстати, – сказал Володя, – вчера Пётр опять поругался со Светой и гонял её пинками вокруг виллы минут десять, оба голышом, вы не слышали, шум, говорят, был великий.

– Ничего не слышали, – ответил Виктор, – а если б и слышали, не сказали бы. А ты откуда знаешь?

– Французы, их соседи за стеной, сегодня с утра в клубе взахлёб расписывали эту необыкновенную сцену, приговаривая в восторге «вот это любовь».

– Да, за Петьюшкой не залежится, – согласился я, – ты знаешь, он свою биологию студентам объясняет только матом, не знаю как они соображают по предмету, но матерятся отменно.

– У них хорошая моторная память, – сказал Сергей. – Мы к вам не зря приехали. Включайте приёмник, Джо намекнул, что надо ждать сенсации.

– А тебе известно, что он начальник местного «Корпуса мира»?

– Не только..., – улыбнулся Сергей, – он ещё и резидент ЦРУ.

– И твой приятель, – заметил Виктор. – Да и живёте вы на одной лестничной площадке.

– Конечно, – невозмутимо подтвердил Сергей. – Мы и информацией обмениваемся, а то я и половины новостей не знал бы, нечего и передавать было бы в фирму.

– В какую фирму? – живо среагировал Виктор.

– В ТАСС, конечно, – объяснил Сергей с великим терпением.

Я тем временем включил приёмник, из которого полилось монотонное бормотанье на местном языке. Затем приёмник замолчал. И молчал довольно долго. Потом послышались какие-то хрюки, чмоки, вздохи, трески... и вдруг с ненормально пронзительной громкостью транзистор взвыл высоко-гнусавым тягучим папашкиным голосом: «Призыв!.. Призыв!.. Призыв к нации! Я взываю к моему народу! Бывают такие мгновения в вечности жизни нации, когда глава государства обязан обратиться к своему народу, чтобы сообщить о великом повороте. Сейчас, когда весь континент переживает великое потрясение (Чего он завёлся? – удивился Виктор. Никто из нас не ответил на его риторический вопрос.), сейчас, когда настал решающий миг нашей истории, когда исчезла божественная власть, представляющая нашу расу перед лицом человечества (А, это он про эфиоп его мать Хайле Селассие, низложенного импе-

ратора, – первым догадался Володя, оправдывая звание дипломата.), мы все должны понять, что божественное предназначение лидера нации состоит в том, чтобы обеспечить народу всемирное уважение и величие, достойное место в истории и ряду великих стран (Не может быть! – сказал Сергей. – У папашки всё может быть, – отозвался Виктор.)... поэтому, принимая во внимание и учитывая, а также углубляясь и рассматривая, я, уступая слёзным просьбам лучших представителей моего народа, по зрелому размышлению, сознавая ответственность за мою великую миссию, отвечаю согласием на настоятельные призывы возложить на себя титул Императора всей региональной Африки и именовать впредь нашу замечательную республику Империей. О месте и времени коронации народу сообщит наш лорд-канцлер. Да здравствует великая Всеафриканская Империя!»

– Ах, чтоб тебя! – выдохнул я.

– Поздравляю вас с его императорским величеством Хрен-Бордель Первым, – сказал Виктор. – Теперь мы все имперско-подданные.

Приближалось рождество.

Глава 7. Рождественский приём

– А что, если мы изобразим гусеницу? – предложил Лёша.

– Как это, гусеницу? – удивился Виктор.

– Очень просто. Возьмём две полосы разноцветной местной ткани шириной полметра и длиной три метра каждая, сошьём их вдоль, оставив отверстия для рук и ног, влезем туда все, в дырки просунем конечности, первому наденем склеенную из картона голову и будем этой кишкой ползать.

– Спятил, – спокойно констатировал Виктор. – Провести новогоднюю ночь на четвереньках. Что я тебе, американский консул, что ли?

– Подожди, Витя, – сказал я. – Во-первых, консул был не на четвереньках. Когда ты начал учить его пить «Кубанскую» стаканами, он ещё сидел, это уж потом после двух бутылок его ввело в штопор под кушетку до утра. Во-вторых, Лёша, наверное, имеет в виду парад-алле.

– Конечно, – обрадовался Лёша. – Где-то часа в два ночи объявим парад костюмов, в жюри выберем Тиграна с Рузанной и Ирину, все на пять минут разбегутся по комнатам и углам для переодевания, убираем свет, оставляем только две свечи, врубаем музыку на полную, даём люстру до упора, жюри в красном углу, вереница масок из коридора по спирали закручивается до кухонной двери, я хватаю аккордеон и первый приз наш!..

– Остынь, – перебил Виктор поток его красноречия, – как ты возьмёшь аккордеон, находясь в этой кишке?

– Ладно, Вить, это он для образа. Вообще-то, минут десять мы и поползать можем. Особенно после «Кубанской». А потом вылезем и продолжим просто пиратами, ну глаз там завяжем или платок на голову...

– Рот мы ему завяжем, чтоб не выступал, – бурчал Виктор.

Дело в том, что Лёша придумал маскарад. Для всей университетской группы. На нашей вилле, естественно. На всю новогоднюю ночь. Виктор уже заранее представил, какие нас ждут хлопоты. Лишних хлопот он не любил, вернее, никаких не любил, хотя когда уж начиналось, отрубался последним. Вот как вчера: Роберт неожиданно вечером привёл к нам в гости американского консула, потом Лёша подскочил сверху из своей виллы, затем Валерка... Утром, карабкаясь в автомобиль, консул весело с трудом артикулировал: «... парни, я думал только американцы умеют веселиться мужской компанией... как эта – из-за острова на стершень... гуд бай, мы теперь все друзья...»

– Лёш, а может, никто и не делает костюмов?

– Да ты что! Разведка доложила, Рузанна же всегда всё знает, даже Тигран что-то мастырит, а у Ирины с Русланом целая семейная мастерская, они там сюжет готовят, детей подключили, бегемот наш, Виталий, говорят...

Лай Топола перебил его тираду.

– Во, смотри, лёгок на помине!

Из остановившегося перед окном автомобиля выбрался Виталий и, сделав шаг, оказался около подоконника, на котором верхом и сидел Лёша во время своего выступления.

– Ты почему прохлаждаешься, а не наглаживаешь галстук? – обратился он ко мне.

– Да у меня и галстука нет..., а зачем?

– Вот те раз, через три часа мы должны быть на площади перед папашиним дворцом для рождественского поздравления.

– Он что, выходит на площадь и поздравляет представителей? – вклинился Лёша.

– Держи карман шире, – скептически сказал Виктор. – А галстук я тебе дам, – он помолчал и добавил, – чёрный.

– Юморист, тоже мне. Правда, Виталий, зачем я там?

– Запомни, на все правительственные мероприятия всегда вызываются деканы и завкафедрами как дипломаты. А что там будет, я и сам не знаю, придумали ритуал какой-то... Через три часа на площади!

Он залез в машину, накренив её при этом так, что чуть не опрокинул, и стремительно укатил задним ходом из нашего тупика.

– Хорошо, что он не заявился к нам с утра, – сказал Виктор.

– Да, – согласился Лёша, Виталик нормальный мужик, но консула тут, да ещё в подобном виде, ему лучше не показывать. Хотя на партсобраниях он всегда подчёркивает, что у нас в университете условия специфические, работаем в интернациональном коллективе, студенты сравнивают нас с другими профессорами, мы должны выглядеть не хуже во всех отношениях и прочее... Хотел бы я видеть, что скажет наш посол, если узнает...

– А как он узнает? – спросили мы с Виктором хором, внимательно глядя на Лёшу.

– Действительно, как? – засмеялся он в ответ.

Вообще-то Алёшка мог в запале что-нибудь брякнуть в глаза руководству, но только про самого себя, а не про друзей.

Когда через три часа я вырулил на площадь перед дворцом, то невольно присвистнул: неясно было, смогу ли я найти место для парковки нашей крохи.

Площадь оказалась забитой автомобилями. У входных ворот во внутренний двор перед охранниками стояла толпа человек в пятьдесят. «Ничего себе, деканы и прочие» – подумал я и пошёл к возвышавшемуся на голову надо всеми Виталию.

– Молодец, вовремя, тут, видишь, не только мы, но и руководители колледжей, называемся делегацией министерства образования, – ответил он на мой невысказанный вопрос.

В ворота нас не запустили, а профильтровали по одному через узкую калиточку под дулами и колючими взглядами, некоторых даже ощупали. Во дворе мы тоже не задержались, а были сразу же направлены в зал, где и без нас уже толпилось человек двести. Из-за их мельтешения плохо рассматривались вазы и статуи, расставленные вдоль стен по периметру, равно как и сами стены, расписанные жанровыми стилизованными сценами африканской деревенской жизни.

– Больше всего это мне напоминает зал ожидания Казанского вокзала столицы нашей родины, – сказал я Виталию. – А где же основной?

Он не успел ответить, потому что распахнулись две двустворчатые двери в противоположной стене, взорам нашим открылись довольно широкие лестницы, ведущие ступеней на десять вверх, по правой лестнице вниз к нам повалила куча народа, а по левой полуспустился весь в блестящем не то мажордом, не то церемониймейстер и зычным голосиной взревел: «Делегация кожевников быстро входит для приветствия!»

В нескольких местах зала возникли небольшие людские водовороты, у подножия лестниц выходявшие и стремившиеся внутрь пошли стенка на стенку, движение вверх и внутрь оказалось мощнее и людей, только что спустившихся по правой лестнице, стало засасывать спиной вперёд вверх по левой лестнице.

– Эге, сейчас что-то будет, – заметил Виталий.

Но тут засосанные с таким отчаянием рванулись вниз, что, чуть не посшибав с ног лиц из встречного потока, выцарапались в зал и растворились в толпе, последние из спешащих вверх просквозили туда, двери захлопнулись с утробным чмоком и мы опять оказались на вокзале.

– Так, – произнёс я глубокомысленно, – что должен делать умный белый человек в подобной ситуации?

– Умный белый человек должен прислониться к косяку двери, за которой находится лестница, ведущая наверх, – ответил Виталий.

– Правильно, декан, – сказал я. – Давай, продвигайся в нужном направлении на необходимое расстояние.

У косяка мы нашли практически весь наш белый интернационал во главе с проректором.

– Я вижу, месье Каню, университет на высоте, – заметил я, обращаясь к нему.

– Что вы хотите, профессор, мы всё-таки мыслящая элита в этой стране, – улынулся он.

– Не так громко, дорогой проректор, – посоветовал вынырнувший из двигающейся и колышущейся человечьей стихии Сергей, – а то вон те ребята могут вас неправильно понять и обидеться, – и он показал глазами на ближайших автоматчиков, застывших равноинтервально вдоль стен.

– Да, колоннада впечатляющая, – согласился Каню, бросив быстрый взгляд на живые статуи. – А вы освещаете в прессе церемонию?

– Как бы не так! Мы здесь тоже делегацией от мирового корпуса журналистов.

– От мирового, ни более, ни менее? – удивился я.

– Нас сам папаша так называет.

Тут обе двери опять с треском распахнулись, чуть не размазав по стенке нашу группу, и тот же глашатай с медной глоткой заорал: «Делегация образования быстро входит для приветствия!»

Напор бросившихся остальных членов делегации, которых было подавляющее, в буквальном смысле слова, большинство, почти внёс нас по лестнице в зал для малых приёмов.

Малый зал оказался овальной конфигурации, метров этак тридцать на двенадцать. Мы очутились на некоем подобии подиума, огороженного бархатными шнурами. От этого подиума наискосок и вверх протянулся мостик шириной метра два, длиной метров пятнадцать, обрамлённый статуями слоников из красного дерева с алмазами вместо глаз, застланный толстой ковровой дорожкой. Справа и слева от мостика, как в оркестровой яме, на стульях восседали министры с разодетыми по такому случаю жёнами. В овал, как необходимое дополнительное украшение, вписывались всё те же автоматчики в пятнистой униформе и зелёных беретах. Мостик упирался на противоположной стороне зала в какое-то сооружение, которое я принял за распятие. Оно раскорячилось вверх и в стороны метров на пять и находилось в тени.

– Ну и блямба! – шепнул я Виталию.

– Это крест, – ответил шёпотом он.

– Вот те крест, это же птичка, – убеждённо и простужено захрипел сзади нас Юра.

– Какая птичка? – засомневались мы дуэтом.

– Не знаю, какая, может орёл... или голубь..., но точно птичка.

– А он вроде прав, Виталик.

– Да разве такие птички бывают?

– Ну, стилизованная, может быть. А где папашка-то? – забеспокоился я.

– В жопе, – коротко прохрипел Юра.

– У кого?

– Да у птички же! Ты что, не видишь?

Тут я присмотрелся и просто рот раскрыл. Ну, даёт папаша! Действительно, если эта птичка стоит на хвосте, распахнув крылья, то там, откуда гнусный орёл должен гадить, находится углубление и в густой тени видны только две ноги, а под ними лесенка в три ступени на мостик, задрапированная той же ковровой дорожкой.

– Чего же он в темноте-то сидит? – прошипел я.

– Против снайперов, наверное, – предположил Юра.

– Господи, да какие здесь снайперы?

– А чёрт его знает!

В этот момент ноги нетерпеливо шевельнулись и откуда-то сбоку снова взревел глашатай: «Слово для приветствия от имени делегации имеет проректор Каню!»

Каню выдвинулся на полшага вперёд к самому шнуру. Его приветствие – филолога и знатока французской классической литературы – было изысканным, витиеватым и кратким.

Наступила тишина. «Как на кладбище», – подумал я. Пауза затягивалась. Затем с кряхтением папаша вдруг стал выбираться из этой... в общем, из ниши, медленно преодолел спуск из трёх ступенечек и, прихрамывая и опираясь на трость-клинок, начал приближаться к нам по мостику. Остановился почти в двух шагах от Каню и, хотя был он на голову ниже даже меня, не говоря о Виталии, благодаря наклону мостика, принялся поглядывать на нас сверху вниз. «Морда-то сержантская, а не императорская, – подумал я, – глазками так и ощупывает, точно рекрутский набор ведёт».

Но тут он начал ответную речь:

«Господа университетские профессора, спасибо за поздравление. Я рад, что вы меня приветствуете. Я когда понёс бремя верховной власти, сразу сказал себе – надо немедленно сделать университет. Мы великая страна и не можем без университета. А кто этого не понимал, я им поотрезал уши. Нам нужны свои преподаватели и учёные, мы не хуже других можем заниматься ядерной физикой. Вот народ потребовал, чтобы я стал императором. Воля народа для меня закон. На днях мы объявим о сроках церемонии, но подарки начинаем принимать уже сейчас. Можно от организаций и от частных лиц, можно драгоценностями и деньгами, товарами и займами, как угодно. А без университета нам нельзя, я вот с Жискарсом встречался, говорил ему «я университет создал, приезжай посмотреть». И Мобуту говорил, и когда в ОАЕ заседал, то всем сказал «первое, что я сделаю – это армию и университет». Да, ещё мы корону императорскую отливаем, так на неё пожертвования тоже можно сдавать. Через дворцовую канцелярию. А университет я люблю, это моё детище. И я надеюсь, что вы хорошо учите моих студентов, ведёте их верной дорогой знаний. Я информирован, некоторые профессора не вполне понимают возложенную на них ответственность и часто делают не к месту безответственные заявления. Я за это могу в тюрьму посадить или наказать как-нибудь похуже. Поздравляю вас с праздником.»

Каню начал благодарить, но глашатай рявкнул: «Все свободны!», и через несколько секунд мы оказались вновь в большом зале.

– Вот это да! – сказал Виталий.

– Знаете, что мне понравилось больше всего? – спросил Юра.

– Что?

– Последняя фраза глашатая.

– Ну, это ещё цветочки, – заявил Виктор, когда дома я изобразил ему всё в лицах.

И он был прав.

Глава 8. Решающий матч

– Слушай, как это тебе Виктора удалось взять с собой? – спросил Сергей, допивая очередную бутылку пива.

– Секрет фирмы, – засмеялся я. – Просто ему очень хотелось посмотреть океан.

– Мне бы полететь с вами вместо Виктора, – меланхолично заметил Володя, вяло отхлёбывая из бокала.

– У тебя неприятности? – вскользь поинтересовался Сергей.

– Да твой приятель Джо навёл на меня своих посольских, чем-то я им понравился, становятся внимательными до назойливости.

– А ты продайся, – посоветовал Виктор, – глядишь и завербуют. Заломишь громадную сумму в долларах – и домой!

– «Мой друг уехал в Магадан, снимите шляпу», – ответил Володя.

– Кто куда, а мы к океану, – заметил я. – Дыши глубже, Вова, у меня самого поджилки трясутся.

Мы сидели на открытой террасе второго этажа аэропорта. Друзья провожали меня и Виктора. Через полчаса мы с нашей гоп-командой улетали в соседнюю страну на гостевой матч финала регионального кубка.

– Да как же вы в финал-то вышли? – удивился Сергей.

– Нечаянно-негаданно, – ответил я. – Им перед каждой встречей внушалось играть на публику, а не на результат, всё равно, мол, шансов нет. Ну, они и старались поартистичнее... Если же серьёзно, то ребята талантливы от бога, второй тренер Сулей, из местных, знает как работать, я просто не очень вмешивался. В полуфинале подфартило, вот так и вышли.

– А Виктор-то зачем?

– Нужен позарез, я условие спортминистру поставил – беру с собой на гостевой матч. Вернёмся, расскажу.

– А вот и пятый, – заметил Виктор, – ты его к месту помянул.

Действительно, на террасу мячиком выкатился толстенький, маленький и круглый господин Фофана, решивший, видимо, тоже нас напутствовать.

– Как настроение, тренер? – спросил он деланно весёлым тоном.

– Настроение бодрое, – ответил я.

– Идём ко дну, – добавил тут же Виктор.

– Я вас очень прошу постараться, понимаете, сам император интересовался. Он заявил, что в успехе ответного домашнего матча не сомневается, а уж если он сказал, то так и будет... Вам только ничью в гостях сделать.

– Привезём мы вам ничью, привезём, – успокоил я его.

– Замечательно! Я тогда пойду к ребятам, подкину им денег на карманные расходы.

– А вот этого не надо, господин министр! Давайте их сюда, а сами можете пойти к игрокам и знаете что? – отберите у них все карманные деньги, мне же нервы беречь нужно, ещё пригодятся.

– Зачем отбирать?

– Есть настоящая необходимость. И пообещайте им по возвращении премию побольше, встречу попышнее и всякие другие блага... Договорились?

– Ваше слово закон. Удачи вам, – и он укатился.

– Мне бы твою уверенность, – сказал задумчиво Володя.

– Он просто самонадеянный нахал, – заметил Виктор.

– Нет, скорее фаталист, – уточнил Сергей. – Кстати, почему я вас не видел на коронации?

– Хватит с нас, сказал Тарас, – ответил Виктор.

– Я у Виталия отпросился, сказавшись больным, – объяснил я. – Надоели мне эти церемонии, толпы... Мы потом запись у торгпреда по телевизору посмотрели, удобно и уютно, под виски с содовой. Вообще, это была жалкая пародия на коронацию Наполеона.

– Откуда ты знаешь? – спросил Володя.

– Читал и кино смотрел... Ну, пошли, Витя, посадку объявляют.

Друзья пожелали нам ни пуха ни пера, мы, как водится, послали их к чёрту и пошли вниз, а затем, выйдя из здания на аэропарковку, в двадцать шагов добрались до небольшого «Дугласа» времён второй мировой войны, принадлежащего авиакомпании «Эр Африк», в котором уже веселилась наша команда под только что приобретённым названием «Неустрасимые императорские орлы». Это была инициатива толстячка-министра. Ранее команда называлась «Президентские соколы».

Через два часа самолётик бодро плюхнулся на взлётную полосу, расположенную на самом берегу океана. Было шесть часов вечера, быстро темнело.

– Внимание, орлы! – закричал Сулей, обращаясь к игрокам. – Каждый берёт свою сумку, открывает её и быстро проглядывает, нет ли внутри посторонних вещей, особенно каких-нибудь пакетиков. Быстро, быстро!

Игроки начали осмотр.

– Это зачем? – спросил меня Виктор.

– Могут подбросить наркотики, – коротко объяснил я.

– Ого! – прокомментировал Виктор.

– Проверь свою тоже, – сказал я, обшаривая собственную.

– Готово? – завопил опять Сулей. – Теперь на выход, держаться тесней, сумки перед собой, я с паспортами впереди, Амаду нас встретит за барьером, до автобуса от группы ни на шаг! Пошли!

Наш администратор Амаду встречал нас за барьером. До автобуса добрались без приключений, потому что Сулей запретил игрокам общаться с представителями местной прессы, а когда те набросились на нас, замыкающих, я заявил, что до матча никаких интервью мы не даём, и посоветовал фотографировать Виктора как наше секретное оружие. Виктор, конечно, озверел, но в меру, так что обошлось без поломанных фотоаппаратов.

– Больше похоже на десант, чем на футбол, – заявил он, устраиваясь поудобней в кресле.

– Были прецеденты, – сказал я. – А вот и представитель местной федерации. Здравствуйте, господин Кулибали.

– Добрый вечер! Добрый вечер! Заждались мы вас! Едем прямо в отель, ужин в ресторане заказан. Водитель, трогай! Как, господин тренер, надеетесь выиграть?

– Всенепременно, – сказал я, – за тем и приехали.

– Нет, нет, и не мечтайте, наши «Тропические львы» разорвут вас завтра на части, только пёрышки полетят от «Соколов».

– Мы теперь не «Соколы», мы «Орлы» да ещё неустрасимые и императорские, не давите на психику, не боимся.

– Ах, да, у вас же теперь империя! Ну и как, скоро вы начнёте подводить соседей под свою руку, ха-ха! Эй, эй, водитель, в наш отель направо!

– Не волнуйтесь, господин Кулибали, это запланированный крюк, – сказал я. И, адресуясь к Виктору, по-русски. – Он не знает, что Амаду сидит здесь в разведке уже неделю.

– Ну и что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.